

**ПРОИСХОЖДЕНИЕ И СМЫСЛОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ АНДРОНОВСКОЙ
КАННЕЛЮРНО-«ЁЛОЧНОЙ» ОРНАМЕНТАЦИИ**

И. В. Ковтун

**ORIGIN AND MEANING OF ANDRONOVO
CANNELURE-“HERRINGBONE” ORNAMENTATION**

I. V. Kovtun

Статья посвящена истокам и семантике орнаментального сюжета, распространённого на востоке андроновского ареала. Установлен аркаимо-синташтинский прообраз андроновских каннелюрно-«ёлочных» композиций. Обосновано восходящее к эпохе индоиранской общности исходное смысловое содержание подобной орнаментации, означавшей мироздание поддерживаемое козлом-одноногом.

The paper is devoted to the origins and semantics of the ornamental plot prevailing in the East Andronovo area. The Arkaim-Sintashta prototype of the cannellure-“herringbone” compositions was determined. The author proves the original meaning of such ornamentation dating back to the Indo-Iranian community that the universe was supported by a one-legged goat.

Ключевые слова: андроновский орнамент, Синташта, Бестамак, одноногий козёл, образ мироздания, стилизация, лугавская культура.

Keywords: Andronovo ornament, Sintashta, Bestamak, one-legged goat, image creation, stylization, Lugavsk culture.

В восточной части собственно андроновского культурного массива заметно увеличивается представительство ряда орнаментальных композиций, редко встречающихся в центральной и западной областях общеандоновского ареала. Одно из таких построений представлено сочетанием каннелюр во второй зоне орнаментального поля с вертикальной «ёлочкой» в третьей зоне сосуда. При такой инвариантной комбинации орнаментальных элементов украшение венчика – первой зоны – определяло двух- или трёхзональность сосуда, а равно сам тип композиционного построения. Первую зону – зону венчика – могли заполнять треугольники (таблица 1), иные элементы декора (таблицы 2 – 4), либо орнаментация в ней отсутствовала вовсе (таблица 5).

Перечисленные отличия, вероятно, отражают развитие и трансформации андроновского орнаментального комплекса в целом, его хронологию и окончательную стилизацию изначальной орнаментальной схемы. Но сохранение ключевой инвариантной связки каннелюр и «ёлочки» удостоверяет неизменность означаемого данным сочетанием смыслового значения орнаментального построения представленного различными композиционными вариациями.

Истоки представительной серии подобных орнаментальных композиций, по моему мнению, восходят к аркаимо-синташтинскому периоду и специфическому сюжету, зафиксированному на сосудах этого пред-или раннеандоновского времени. Это схематичное изобразительное воплощение одного из индоиранских, а равно древнеиранских мифологических персонажей, запечатлённое на синташтинской керамике из Синташтинского могильника и могильника Бестамак. Ключевые признаки главного персонажа переданы либо как винтообразные «рога», включённые в орнаментальную схему (таблица 6, 1, 2), либо как знаковые символы запечатлевшие стилизованную одноно-

гость подразумеваемого образа (таблица 6, 3-9). Особенно характерно стилизованное изображение «одноногого козла» на сосуде из могильника Бестамак (таблица 6, 2). Судя по форме рогов на бестамакском, а также на одном сосуде из Синташтинского могильника, схематично запечатлены головы восточнокавказского (или дагестанского) тура или же западнокавказского тура (кубанский тур или кавказский горный козёл) (таблица 6, 1, 2). Не исключено, что данные орнаментализованные изображения указывают на ареал протоаркаимо-синташтинского населения, предшествовавший его исходу в Южное Зауралье и Северный Казахстан.

На ряде сосудов изображение стилизованной головы козла утрачено, но «подпирающий» её вертикальный зигзаг не исчезает, опоясывая тулово сосудов (таблица 6, 3-9). Это удостоверяет единство смыслового значения символа, переданного и со схематичными козлиными рогами, и без этих деталей. Другим примечательным признаком данной орнаментальной схемы представляется неорнаментированная зона шейки, отграниченная от венчика и тулова горизонтальными рядами гребенчатого штампа или каннелюрами. Можно предположить, что таким образом передавалось небо, поддерживаемое божественными персонажами.

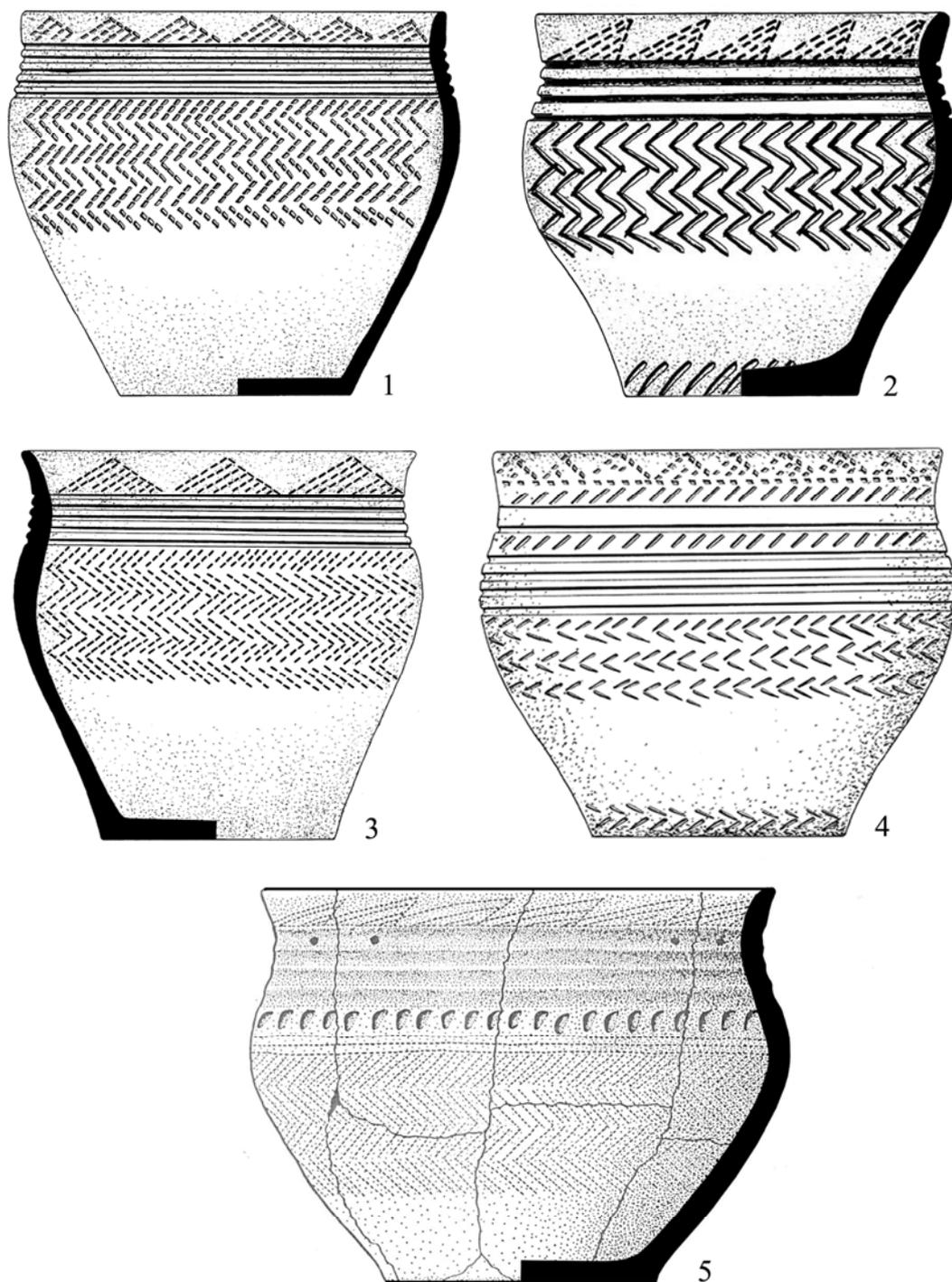

Таблица 1. Андроновские сосуды с каннелюрно-«ёлочной» орнаментацией. 1 – Сухое озеро I, к. 440, м. 1; 2 – Солёнозёрная III, м. 1; 3 – Танай I, к. 10, м. 3; 4 – Анаш; 5 – Чудиновка, сос. I, к. 9, м. 2 (по: Боброву, Борисову, Михайлову, Максименкову и др.)

Таблица 2. Андроновские сосуды с каннелурно-«ёлочной» орнаментацией. 1 – Кытманово, м. 32; 2 – Боровое, огр. 36; 3 – Титово II, к. 6, м. 1; 4 – Боровое, огр. 16; 5 – Титово II, к. 6, м. 3; 6 – Бурлук I, к. 11; 7 – Боровое, огр 6; 8 – Солёноозёрная I, погр. ком. 1, м. 1; 9 – Танай XII, п. кв. ф-у-18-19 (по: Боброву, Горяеву, Грушину, Зданович, Кирюшину, Максименкову, Михайлову, Оразбаеву, Уманскому)

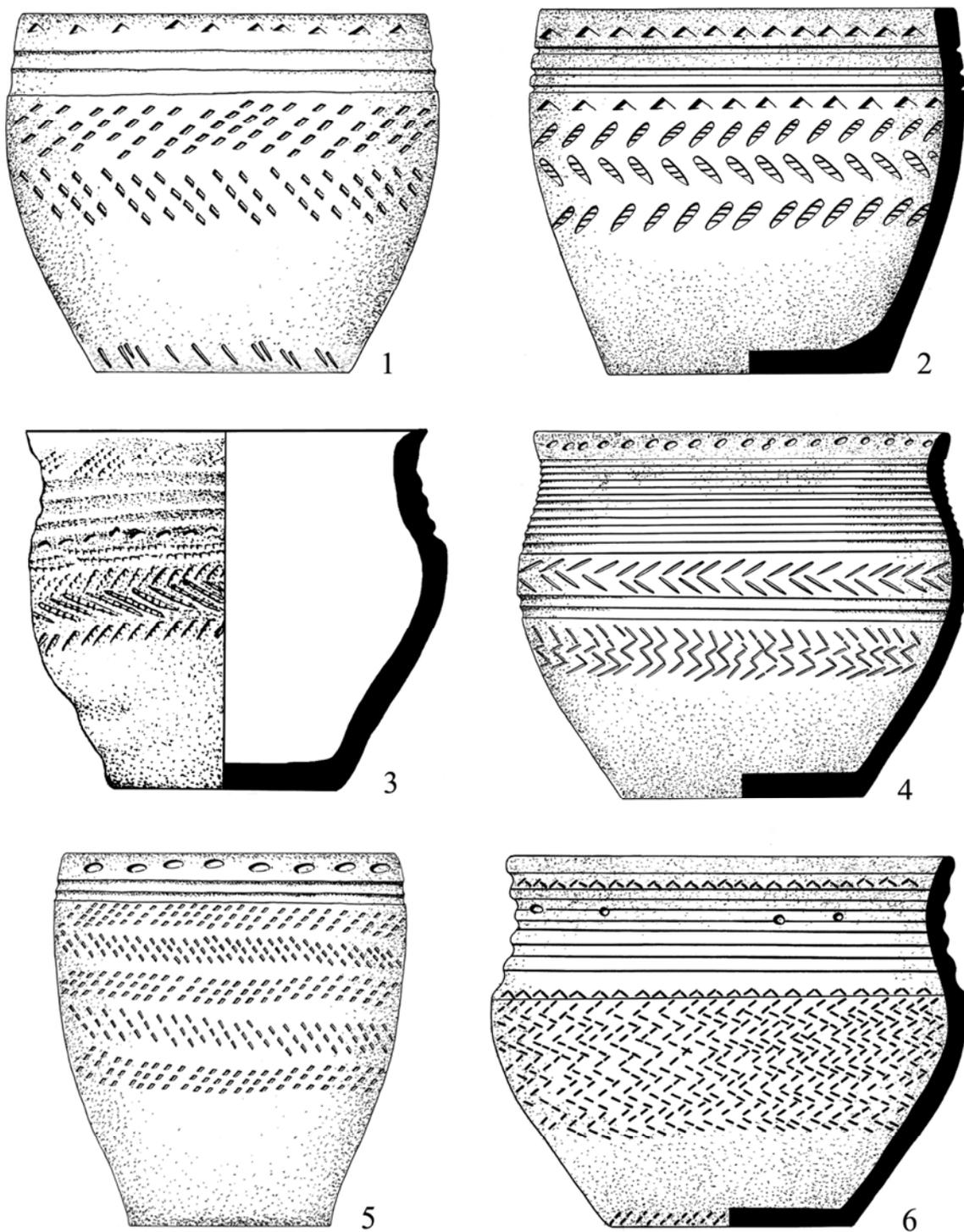

Таблица 3. Андроновские сосуды с каннелюрно-«ёлочной» орнаментацией. 1 – Устье-Бири IV, м. 1; 2 – Орак, м. 24; 3 – Кытманово, м. 8; 4 – Солёноозёрная IV, погр. ком. м. 3; 5 – Лебяжье I, м. 9; 6 – Кадат IX, м. 1 (по: Боброву, Вадецкой, Комаровой, Максименкову, Михайлову)

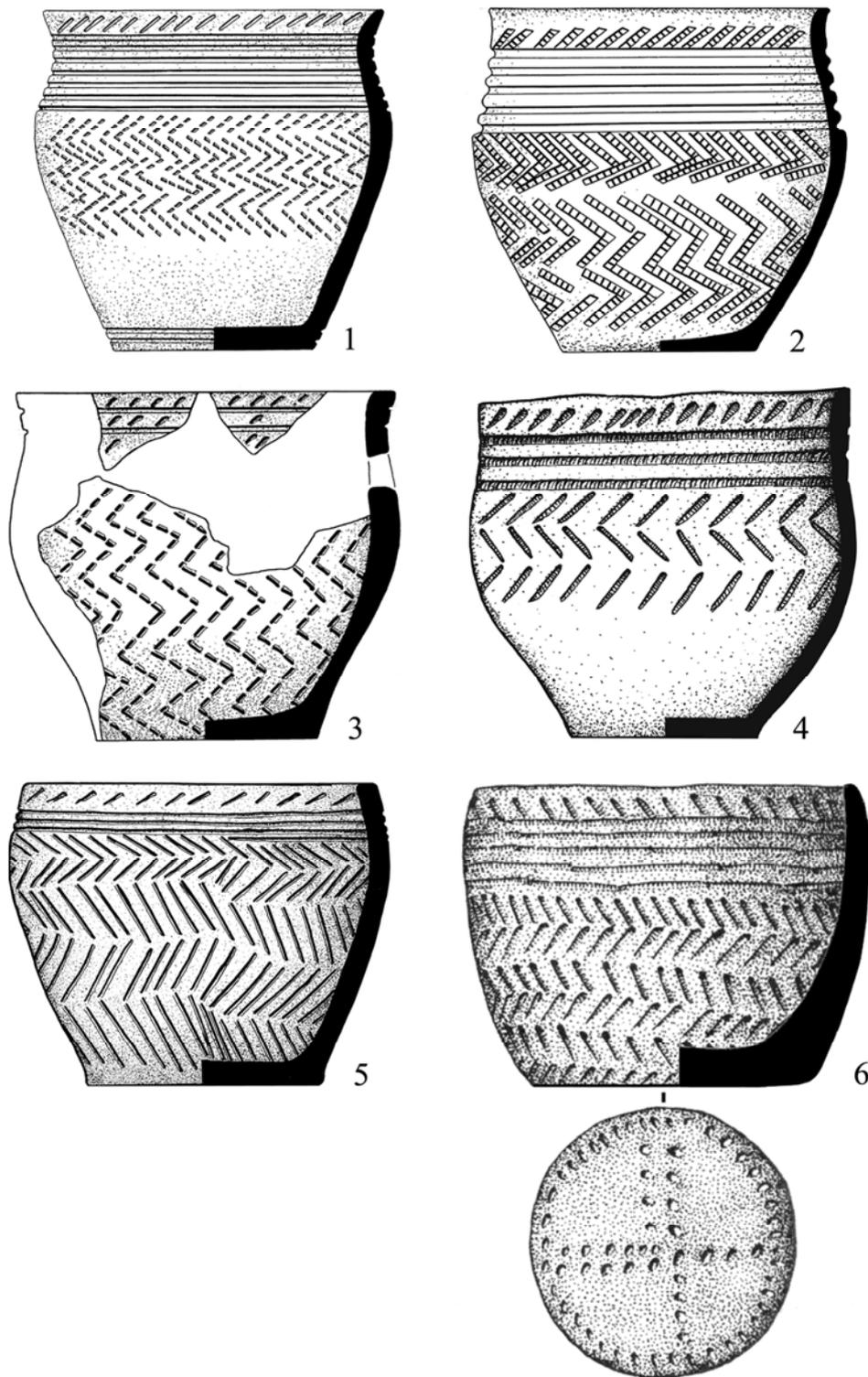

Таблица 4. Андроновские сосуды с каннелурно-«ёлочной» орнаментацией. 1 – Урский, к. 15, м. 1; 2 – Зевакино, огр. 91, м. 2; 3 – Солёноозёрная I, м. 33; 4 – Танай XII, п. кв. R-S-LVI; 5 – Танай XII, п. 56, сос. 2; 6 – Тартас-1, захор. 358 (по: Арслановой, Боброву, Горяеву, Максименкову, Михайлову, Молодину)

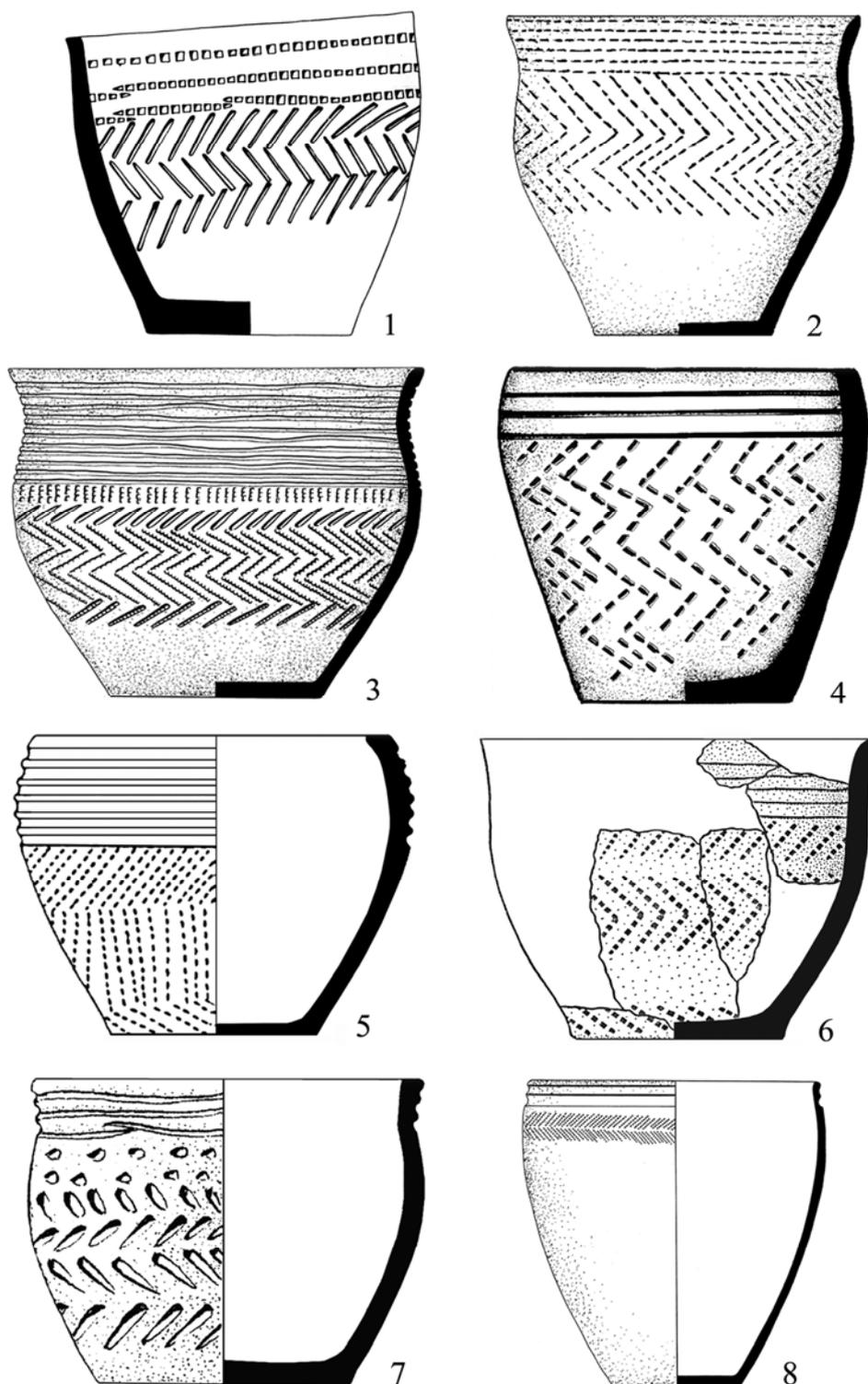

Таблица 5. Андроновские сосуды с каннелюрно-«ёлочной» орнаментацией. 1 – ЕК-II, м. 178, № 1; 2 – Титово II; 3 – Юрман I, к. 3, м.; 4 – Орак; 5 – Берёзовский, огр. 22Б; 6 – Чудиновка, сос. 1, к. 6, м. 2; 7 – Кытманово, ммп; 8 – Ташик (по: Боброву, Борисову, Грушину, Кирюшину, Комаровой, Матющенко, Михайлову, Савинову, Ткачёвой, Ткачёву, Труфанову, Уманскому)

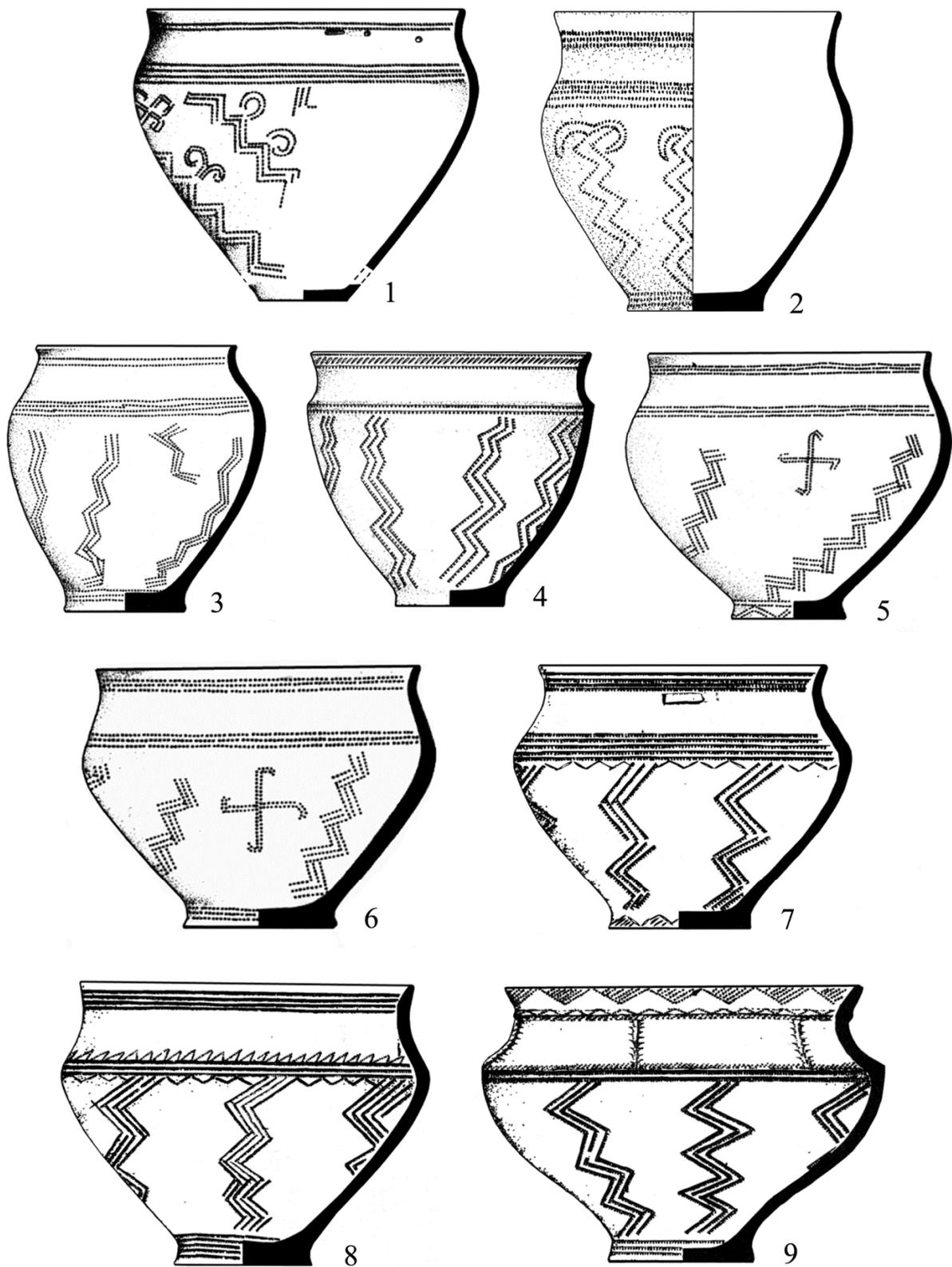

Таблица 6. Орнаментальный образ «козла-однонога». 1, 3-9 – Синташтинский могильник;
2 – могильник Бестамак (по: Генингу, Здановичу, Логвину, Шевниной)

Так, в Ригведе поддерживающему небо одноногому козлу Адже Экападу уподобляется сам Варуна, считавшийся «создателем изначального мира» [2, с. 159]:

Тот измерил древнюю область,
Кто опорой держал врозь два мира,
Как Аджа (поддерживает) небо.
[6, VIII. 41. 10].

Стоящий у Мирового дерева и поддерживающий небо одноногий козёл Аджа Экапад [1, с. 587] в Ригведе независимо упоминается лишь однажды. В оставшихся же четырёх случаях его имя связано с именем «змея глубин» Ахи Будхнья, равно как и их объединение в домашнем ритуале. Подлинное имя божества, скрытое под эпитетом Аджа Экапад, осталось неизвестным. Но его связь со змеем Ахи, молнией и одноногость [9, с. 44] указывают на серпентоморфные признаки [4, с. 81]. Поэтому зигзагообразность синташтинского орнаментального символа одновременно олицетворяет и «змея глубин» Ахи Будхню, связанного с одноногим козлом Аджа Экападом [10, с. 91], имя и одноногость которого, как уже отмечалось, представляются метафорой молнии [9, с. 44].

Не исключено, что бестамакско-синташтинской композицией, включая её стилизованные версии, подразумевался более содержательный семантический план с широким кругом персонажей. Так, восходящий к индоиранской эпохе и известный в Авесте как дух вод, живущий в их глубинах ведийский бог Апам Напат родственен Трите, олицетворяющему божество молнии, воплощение огня в молнии, рождающейся в тучах, среди атмосферных вод, откуда его эпитет – Аптья, т. е. «Водяной». Предполагается, что Апам Напат или «Сын Вод» также представлялся воплощением молнии [12, р. 69 – 70; 11, с. 72]. Он связан с водой и огнём и выступает как эпитет Агни и Савитара, будучи одновременно причастным к «змею глубин» Ахи Будхнье и одноногому козлу Адже Экападу [10, с. 91], имя и одноногость которого, в свою очередь, являются метафорой молнии [9, с. 44]. Поэтому можно допустить, что вариации смыслового значения бестамакско-синташтинской орнаментальной серии, помимо стоящего у Мирового дерева и поддерживающего небо одноногого козла Аджи Экапада, включали ещё и ряд соотносящихся с ним персонажей: Триту Аптью, Апам Напата, Ахи Будхню и Варуну. Данный перечень мифологических образов удостоверяет древность рассматриваемого орнаментального сюжета восходящего, как и его предполагаемые герои, к индоиранской архаике. С этими образами соотносится устойчивый ассоциативный ряд инвариантных представлений о молнии (небесном огне) и водах – атмосферных (т. е. небесных) водах, а также о различных ипостасях Мирового дерева, воплощённых

в фигурах Варуны, Аджи Экапада и, вероятно, в облике соединяющей небо и землю молнии.

На аркаимо-синташтинской стадии ключевая семантическая составляющая композиции, по-видимому, сводилась к Адже Экападу и сопутствующим ему символизациям, иллюстрирующим общую картину мироздания. Но судя по смутной причастности к фабуле реконструируемого повествования отца Трайтаоны (Триты) Атвьи, соответствующего имени ведийского божества Триты & Атвьи и идентичного Трите Аптье упоминающегося при победе над трёхглавым Вишварупой [7, X. 8. 8] и участвующего в убийстве Вритры [5, I. 187. 1; 8, с. 94 – 95], протосюжету аркаимо-синташтинской композиции были приписаны ещё и змее- / драконоборческие мотивы.

Последующая стилизация рассматриваемой орнаментальной композиции аркаимо-синташтинского времени отразила утрату содержательного разнообразия сюжетных линий подразумеваемого ею мифологического повествования. Примечательно, что подобное орнаментальное построение не получило своего заметного продолжения в петровской, алакульской, нуртайской, кожумбердынской и других культурных традициях западной и центральной части общепетровского ареала. Но в собственно андроновском орнаментальном комплексе представлена серия типологически однородных композиций, восходящих к бестамакско-синташтинскому сюжету.

Среди инвариантных комбинаций собственно андроновской орнаментации усматриваются позднейшие реминисценции бестамакско-синташтинской композиции. Это каннелюрно-«ёлочные» сочетания характеризующиеся особой территориальной локализацией (таблицы 1 – 5). Возможно, под каннелюрами подразумевалось небо и атмосферные воды, к которым причастны Трита & Атвья (Трите Аптья) и Апам Напат, а вертикальная «ёлочка» – это декоративно стилизованный образ Аджи Экапада и его метафоры – молнии.

Каннелюрно-«ёлочные» инвариантные комбинации, главным образом, найдены близ или к востоку от р. Оби, на восточной периферии андроновского ареала. Это четвёртая по численности орнаментальная схема передана двумя сравнительно архаичными мотивами – «ёлочкой» и каннелюрами (таблицы 1 – 5). Древность мотивов свидетельствует о раннем формировании смысловой подоплёки данной инвариантной комбинации, восходящей к вышеописанному орнаментальному сюжету бестамакского и синташтинских сосудов. В свою очередь, древность мифологемы, подразумеваемой этим инвариантным сочетанием, удостоверяется длительностью её бытования, включая транскультурные параллели-заимствования на лугавских сосудах [3, с. 164 – 165, таблица 113] (таблицы 7 – 8).

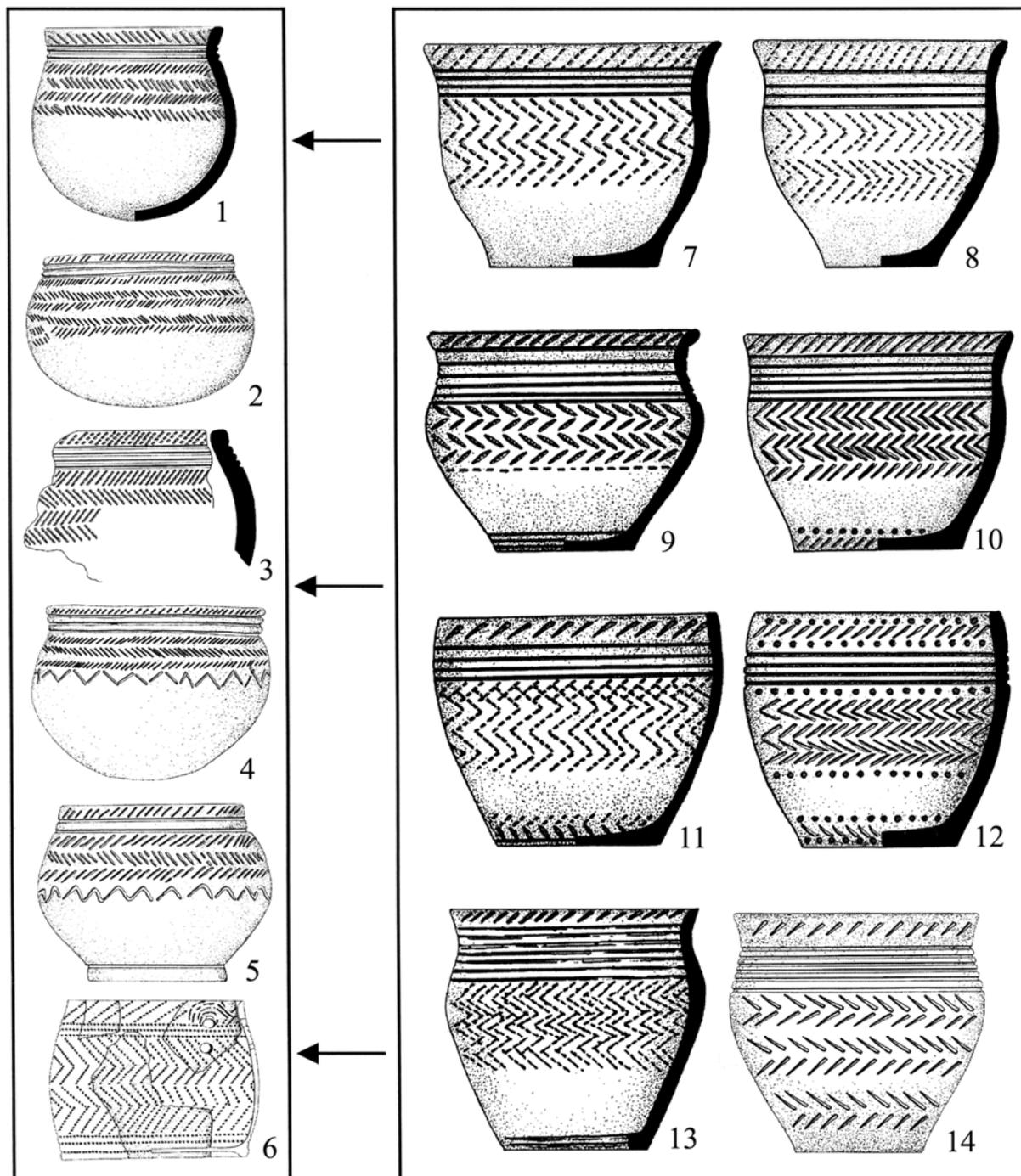

Таблица 7. Андроновская каннелюрно-«ёлочная» орнаментация в декоре лугавских сосудов. 1 – Лугавское; 2, 6 – Устинкинский могильник; 3 – Улус Фёдорова; 4 – Кызлас; 7 – Солнечный Лог; 8 – Аскыз; 9, 10 – Боровое; 12, 13 – Устье Бири IV; 14 – Михайловка (по: Боброву, Боковенко, Вадецкой, Грязнову, Елькину, Кадырбаеву, Комаровой, Мартынову, Михайлову, Нащёкину, Оразбаеву, Савинову, Сорокину, Членовой)

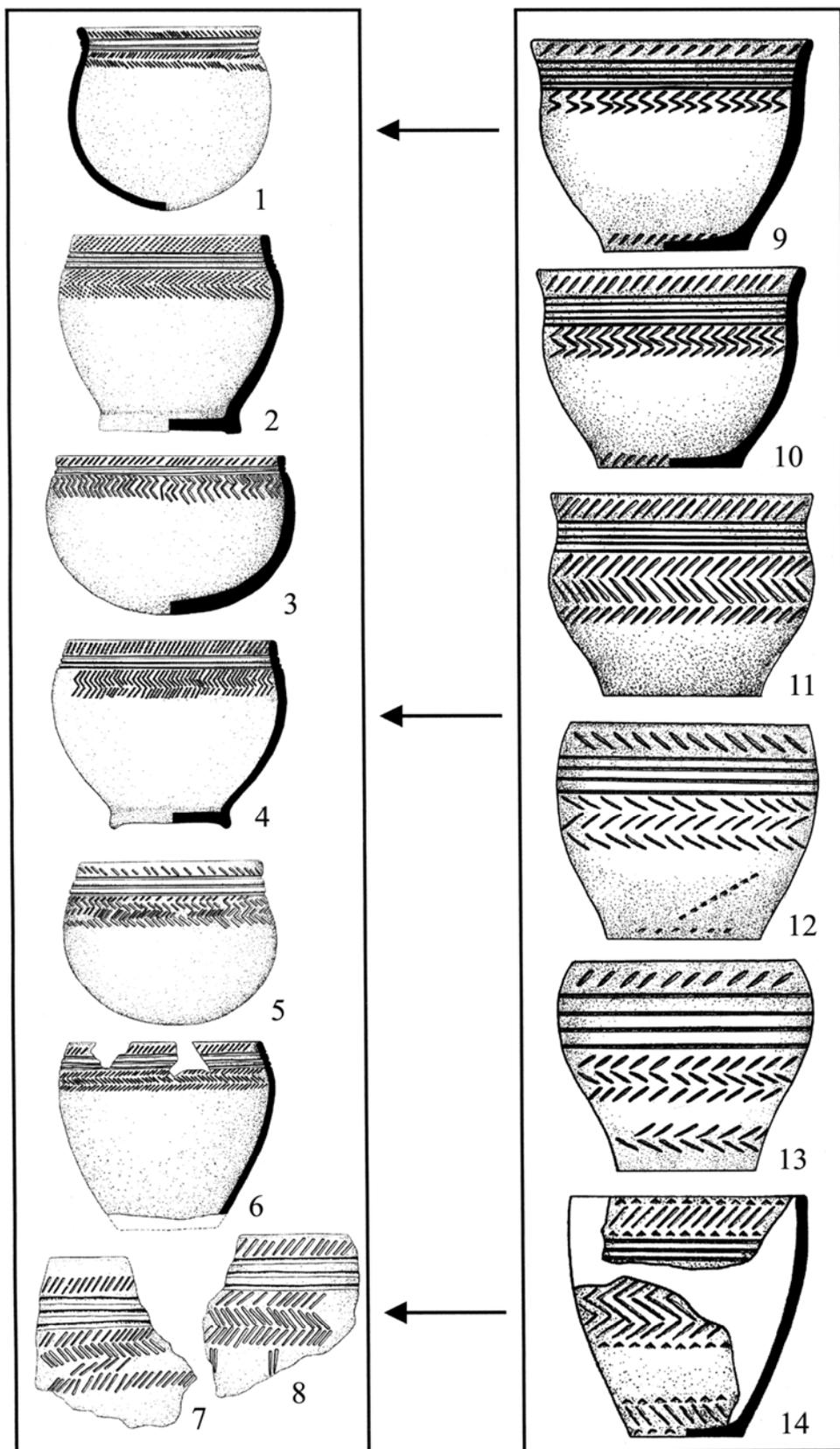

Таблица 8. Андроновская каннелюрно-«ёлочная» орнаментация в декоре лугавских сосудов. 1 – Лугавское; 2, 4, 5 – по М. П. Грязнову [1962]; 3 – Устинкинский могильник; 6 – Торгажак; 7, 8 – Солёноозёрная III; 9, 11 – Титово II; 10 – Орак; 12 – Б. Пичугино; 13 – Урский; 14 – Зевакино (по: Боброву, Боковенко, Грязнову, Елькину, Кадырбаеву, Комаровой, Мартынову, Михайлову, Нащёкину, Оразбаеву, Савинову, Сорокину, Членовой)

Литература

1. Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и пракультуры. Тбилиси: Изд-во Тбил. ун-та, 1984. Т. I – II. 1328 с.
2. Кёйпер Ф. Б. Я. Небесная бадья // Кёйпер Ф. Б. Я. Труды по ведийской мифологии. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1986. С. 156 – 162, 183 – 188.
3. Ковтун И. В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. 184 с.
4. Ковтун И. В. Предыстория индоарийской мифологии. Кемерово: Азия-Принт, 2013. 702 с.
5. Ригведа. Мандалы I – IV. М.: Наука, 1989. 768 с.
6. Ригведа. Мандалы V – VIII. Изд. втор., испр. М.: Наука, 1999. 743 с.
7. Ригведа. Мандалы IX – X. М.: Наука, 1999. 559 с.
8. Топоров В. Н. Об отражении одного индоевропейского мифа в древнеармянской традиции // Историко-филологический журнал. 1977. № 3. С. 88 – 106.
9. Топоров В. Н. Ажда Экапад // Мифы народов мира. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 1. С. 44.
10. Топоров В. Н. Апам Напат // Мифы народов мира. М.: Российская энциклопедия, 1994а. Т. 1. С. 91.
11. Эрман В. Г. Очерк истории ведийской литературы. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1980. 231 с.
12. Macdonell A. A. Vedic mythology. Strassbourg: Verlag von Karl J. Trübner, 1897. 189 p.

Информация об авторе:

Ковтун Игорь Вячеславович – доктор исторических наук, заведующий лабораторией Института экологии человека СО РАН, ivkovtun@mail.ru.

Igor V. Kovtun – Doctor of History, Head of the Archaeological Laboratory, Institute for Human Ecology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редколлегию 08.04.2015 г.